

С. В. Семенцов

РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО АРХИТЕКТУРНОГО АВАНГАРДА В ПЕТРОГРАДЕ — ЛЕНИНГРАДЕ ПО ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫМ КАНОНАМ ИМПЕРАТОРСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. ЧАСТЬ 1. ОТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ДО В. И. ЛЕНИНА

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
Российская Федерация, 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., 4

Рассматриваются некоторые существенные особенности развития петроградского архитектурного авангарда с учетом наиболее сильных, пафосных, фактически знаковых и манифестных предложений-проектов, предусматривавших сооружение уникальных вертикально-образных доминант мирового значения — «Башни Татлина» (1919 г.) и памятника В. И. Ленину (1924 г.), оба монумента — на Троицкой площади в Петрограде. Изучаются особенности проектных предложений для этих объектов и выявляются удивительные закономерности формулирования этих революционных идей в русле традиций Санкт-Петербургского императорского градостроительства, тем самым обозначая уникальность петроградского авангарда как преемника (во многом) императорской Санкт-Петербургской градостроительной школы. Библиогр. 52 назв. Ил. 9.

Ключевые слова: Петроград, Ленинград, архитектурный авангард, традиции, градостроительные каноны Санкт-Петербурга, преемственность, революционность, «Башня Татлина» на Троицкой площади в Петрограде, памятник В. И. Ленину на Троицкой площади в Петрограде.

S. V. Sementsov

DEVELOPMENT OF REVOLUTIONARY AVANT-GARDE MOVEMENT IN THE ARCHITECTURE OF PETROGRAD — LENINGRAD ACCORDING TO THE RIGID TOWN-PLANNING CANONS OF IMPERIAL ST. PETERSBURG. PART 1. FROM PETER THE GREAT TO V. I. LENIN

St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
4, 2 Krasnoarmeyskaya ul., St. Petersburg, 190005, Russian Federation

The article is devoted to consideration of some significant features of the development of Petrograd's architectural avant-garde movement. It takes into account those most impressive, full of pathos, landmarks and fully-manifested plans and proposals that sought to create unique, vertical dominants of global significance. These include, namely, "Tatlin's Tower" (1919) and the "Monument to V.I. Lenin" (1924). Both monuments were proposed to be located in Holy Trinity Square in Petrograd. Features of project-proposals for these objects are studied and there are revealed some surprising regularities of the formulation of these revolutionary ideas in line with imperial St. Petersburg's traditions of town planning, thereby designating the uniqueness of the Petrograd architectural avant-garde as a successor (in many respects) to the imperial St. Petersburg town-planning school. Refs 52. Figs 9.

Keywords: Petrograd, Leningrad, architectural avant-garde, traditions, town-planning canons of Saint-Petersburg, continuity, revolutionism, "Tatlin's Tower" in Saint-Trinity Square in Petrograd, the Monument to V.I. Lenin in Saint-Trinity Square in Petrograd.

Изучение особенностей формирования и развития ленинградского архитектурного авангарда выявило удивительные особенности. На протяжении чуть более двадцати лет (1917–1940 гг.) петроградская-ленинградская школа градостроительства и архитектуры показала уникальное разнообразие проектных и реализованных вариантов в градостроительной сфере, архитектурных решениях и в особой образной символике формируемых решений.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Такая уникальность авангарда привлекла внимание многих исследователей. Ряд работ был посвящен изучению политических, социальных, экономических и общекультурных основ возникновения, формирования и перерождения самого явления петроградского-ленинградского авангарда [1; 2]. А внимательная история изучения ленинградского авангарда во всех его творческих направлениях и вариациях функционализма (с явным преобладанием функциональных составляющих), конструктивизма (с абсолютным доминированием конструктивных решений) и супрематизма (с максимальным вниманием к образности и символичности проектных решений) показала значительность различий и оттенков профессиональных подходов и проектных вариантов [3–5]. В этот процесс освоения огромного наследия входят издания с корпусом исторических архивных документов и материалов, касающихся проектно-строительной деятельности как при создании отдельных зданий и сооружений, так и при разработке крупных градостроительных решений, а также многочисленные попытки осознания и осмысления этого грандиозного наследия [6–8], включая наиболее крупные, международного уровня, обобщающие труды [9]. В некоторых исследованиях специально рассматривались проблемы градостроительного развития Петрограда — Ленинграда, достижения в его территориальном развитии и формировании новой архитектурной среды с подробным изучением крупнейших зданий, сооружений и комплексов как на уровне разработки проектного генерального плана [10], так и в стилистическом формате развития архитектуры [11], в процессе формирования нового типа социалистического города [12; 13], при проведении многоэтапных и многотрудных поисков оптимальных градостроительных и образно-композиционных решений главных городских ансамблей [14; 15].

Многие исследования касались выявления творческих биографий крупнейших архитекторов тех десятилетий — А. А. Оля [16], Н. А. Троцкого [17], Н. В. Баранова [18], Л. А. Ильина [19], А. С. Никольского [20], Е. Левинсона [21], Н. Е. Лансере [22] и др.

В наше время этот многогранный и многополюсный феномен советского авангарда (в том числе его вершинного составляющего элемента — ленинградского авангарда) стал признанным вкладом в мировой архитектурный процесс XX в.

На территориях города и в архивных коллекциях можно выявить здания и сооружения практически всей функциональной палитры — административные, общественные, жилые, промышленные, транспортные, энергетические и т. д. Среди проектов и возведенных объектов в Петрограде — Ленинграде легко можно увидеть отдельные объекты разной функциональности, а также почти одновременные с ними крупные, даже крупнейшие комплексы (как жилые — так называемые «жилые городки», «жилмассивы», «жилконцентры»), так и промышленные, в том числе знаменитый, включенный во многие учебники архитектуры небольшой, уютный, озелененный и комфортный для проживания жилгородок на Тракторной улице (проектировался как «Крыловский участок») [19, с. 108–110] (рис. 1) или знаменитый комплекс Трикотажной фабрики «Красное знамя», который создавался по проекту немецкого архитектора Э. Мендельсона [6, с. 230] (рис. 2).

На фоне отдельных зданий и/или достаточно локальных ансамблей и комплексов жилого и производственного назначения поистине грандиозным мог стать колоссальный по территориальным параметрам жилконцентр для завода «Электроси-

Рис. 1. Жилмассив на Тракторной улице. Пр. Стачек, д. 6а–12Б / Тракторная ул., д. 1–15 / ул. Метростроевцев, 2а (бывший «Крыловский участок»). 1924–1927 гг., арх. А. И. Гегелло, А. С. Никольский, Г. А. Симонов. Фото С. В. Семенцова, 2012 г.

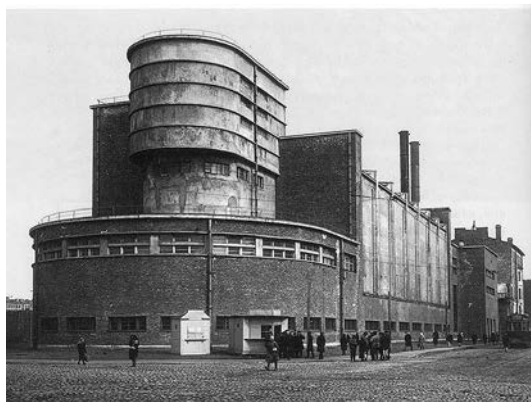

Рис. 2. Трикотажная фабрика «Красное знамя». Ул. Пионерская, д. 53 / Корпусная ул. 1926–1930-е годы, арх. Э. Мендельсон. Фотография 1930-х годов (по: [6, с. 230])

ла», превосходящий по своим характеристикам все другие создававшиеся в Ленинграде жилконцентры. Он проектировался по канонам новых жилых городов в зонах создававшихся ударными темпами крупнейших индустриальных центров страны, таких как Магнитогорск, Челябинск, Свердловск. Причем на тех же принципах линейного города и в тех же пространственно-планировочных приемах линейности общего градостроительного построения (в соответствии с теорией «линейного развивающегося города» Николая Ладовского), модульности и поквартальности освоения территорий (с реализацией идей трехступенчатости градостроительных формирований и системы обслуживания, которая была в почете у группы немецких проектировщиков-градостроителей и архитекторов Эрнста Мая, Ханнеса Мейера и других представителей знаменитого Баухауза), строчности всей застройки

(известной в Санкт-Петербурге еще с XIX в. и широко распространившейся на периферийных территориях Ленинграда в условиях массовой типизации жилых зданий, объектов обслуживания и формируемой среды) [3, с. 177] (рис. 3).

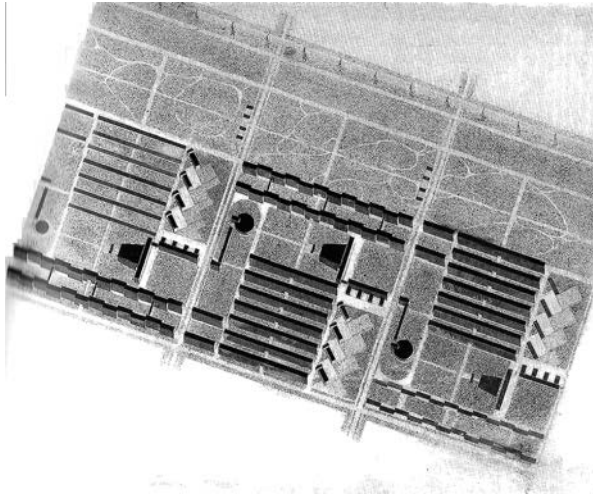

Рис. 3. Проектный генплан жилконцентра завода «Электросила». Московский пр. 1929–1930 гг. (по: [3, с. 177])

Почти одновременно были предложены в проектах и осуществлены разные по высоте и многим другим архитектурным характеристикам здания и сооружения, в том числе двух-трехэтажные, пяти-шестиэтажные, а среди выполненных в проектах, но по разным причинам не осуществленных — даже высотой в сотни метров. Среди них были здания новых революционных по функциональности и пространственно-планировочным принципам типов, в том числе фабрик-кухонь, рассчитанных на ежедневное обслуживание десятков тысяч рабочих и служащих окружающих производств, например известная фабрика-кухня Московско-Нарвского района (современный Кировский универмаг) [23, с. 122–124] (рис. 4), либо целый жилмассив (жилой городок) для текстильных предприятий Выборгского района как образец квартального проектного сбалансированного подхода и поквартальной застройки [3, с. 154] (рис. 5), или создававшийся в рамках одновременно формировавшегося функционально-планировочного центра районного значения для всей Петроградской стороны в зоне выхода Левашовского проспекта к Каменно-островскому проспекту и оформления новой площади (будущей площади Шевченко) крупнейший Дом культуры Промкооперации [23, с. 122–124] (рис. 6), а также достаточно представительный (даже вполне фешенебельный по тем временам жилой дом для партийной и хозяйственной элиты Ленинграда), возводившийся по особым нормативам, но вне зоны городского центра жилой дом Ленсовета [6, с. 250–254] (рис. 7). Этот ряд разнообразия и отличий ленинградской застройки можно продолжить.

Чаще всего такое разнообразие объясняют особыми экономическими условиями (жесточайшими требованиями полной экономии и самоограничения в услови-

Рис. 4. Кировская фабрика-кухня (Кировский универмаг). Площадь Стачек, д. 9. 1929–1931 гг., арх. А. К. Барутчев, И. А. Гильтер, И. А. Мерзон. Фото С. В. Семенцова, 2012 г.

Рис. 5. Городок текстильщиков для рабочих текстильных фабрик Выборгского района. РЖСКТ «Текстильщик». Лесной пр., 59, корпуса 1–7. 1929–1931 гг., арх. С. О. Овсянников, Д. Т. Ковчев, Н. Ф. Рыбин (по: [3, с. 154])

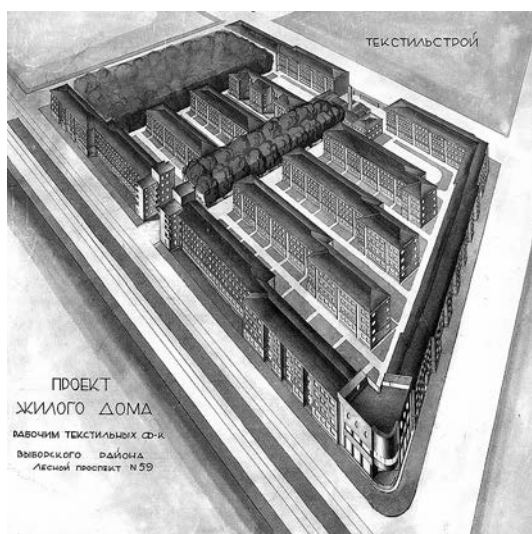

Рис. 6. Дворец культуры Промкооперации (Ленсовета). Каменноостровский пр., д. 42. 1930–1938 гг., арх. Е. А. Левинсон, В. О. Мунц. Фото С. В. Семенцова, 2016 г.

Рис. 7. Первый жилой дом Ленсовета. Наб. р. Карповки, 13. 1931–1935 гг., арх. Е. А. Левинсон, И. И. Фомин. Фото С. В. Семенцова, 2012 г.

ях абсолютной разрухи после Гражданской войны), социальными экспериментами (в эпоху проведения крупнейшего социального эксперимента и создания жилмассивов и домов-коммун), личными творческими поисками авторов (особенно в первые два десятилетия революционной России, когда еще не было явной и жесткой регламентации).

Все эти моменты могут объяснить значительную часть особенностей архитектуры авангарда Петрограда — Ленинграда в эти переломные десятилетия.

Но не все. Некоторые линии развития авангарда на берегах Невы не могут получить весомых объяснений в рамках таких аргументов. Например, почему практически одновременно в одних местах самого города, его обширных окрестностей предлагали возводить малоэтажную с большими массивами зелени застройку, в других местах — массивы строчной застройки, а в центре Ленинграда — только застройку брандмауэрного типа с четкими ограничениями по высоте и характеру самой архитектуры. Бывали случаи, когда практически на расстоянии в сто-двести метров сооружали аналогичные здания (равной этажности, одной функции и т. д.) с разными типами решения пространственных задач, например здание брандмауэрное и здание, отдельно стоящее (как брандмауэрные по своим характеристикам Дом культуры Промкооперации и жилой дом для специалистов Свирьстроя и в противовес к этим постройкам отдельно стоящий жилой дом Ленсовета). Также непонятно, почему на одних и тех же местах (в одних и тех же зонах) предлагали сначала сооружать застройку одного типа, через один-два года — застройку другого типа, затем, еще через два-три года, — застройку третьего типа.

Такую разницу в подходах пытаются объяснить различиями в конкретных требованиях заказчиков и изменениями технологических возможностей строительства. Но так ли это? И можно ли в полной мере удовлетвориться такими аргументами? Ведь таких непонятных примеров множество. Объяснить многие несовпадения только аргументами авторских поисков или весомостью принципов «затягивания поясов» и максимальной экономии невозможно. Ведь часто такие

разные объекты возводили по проектам одних и тех же архитекторов с уже устоявшимися авторскими почерками и приемами.

Внимательное рассмотрение таких разных примеров приводит к выводам, что одним из существенных условий проявления столь широкого разнообразия авангардного зодчества были особые и очень влиятельные причины, часто predeterminedенные какими-то мощными закономерностями развития, но вне особенностей самого процесса самосозревания и саморазвития авангарда.

Какие же это закономерности? К сожалению, исследования поверхностного типа не приводят к ответам. Но более глубокое рассмотрение показало, что такими глубинными закономерностями и причинами были сформированные на протяжении десятилетий в градоразвитии императорского Санкт-Петербурга и впервые в мировой практике утвержденные системой императорских указов требования к формированию особых обобщенных типов столичной среды.

Можно утверждать, что исторические особенности, закономерности и нормативные требования формирования столичного императорского Санкт-Петербурга в значительной мере предопределили особенности революционного, якобы все отвергающего и все забывшего авангарда.

Это очень неожиданный вывод. Ведь традиционно везде, практически во всех исследованиях формулируется абсолютное, специальное и очень настойчивое отрицание в советском архитектурном авангарде (в том числе в ленинградском авангарде) традиций императорского зодчества во всех его градостроительных и архитектурных аспектах.

* * *

Для того чтобы более подробно и точно определить эти влияния, придется сделать несколько отступлений и углубиться в особенности развития Санкт-петербургского столичного зодчества.

Отступление первое. В процессе градостроительного развития Санкт-Петербурга еще во времена Петра I стала формироваться регулярная Санкт-петербургская столичная агломерация. Ее развитие было поддержано, продолжено и значительно расширено (в рамках единых правил и требований) усилиями всех наследовавших Петру I императриц и императоров — Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I, Александра II, Александра III, Николая II.

Развитие Санкт-петербургской агломерации (территориальное, функциональное, коммуникативное и т. д.) впервые в мировой градостроительной практике сопровождалось разработкой четкой типологии формируемой среды, в том числе:

— утверждением единой системы градостроительного и архитектурно-строительного законодательства через десятки, сотни императорских указов, которые последовательно выпускались усилиями и волей всех императоров. Как известно, к 1917 г. было издано около 20 000 императорских указов по проблемам развития Санкт-Петербурга и Санкт-петербургской агломерации;

— формированием системы градостроительного и архитектурно-строительного проектного процесса, который включал разработку правил и проектов урегулирования городов и крупных осваиваемых территорий (современные анало-

ги — генеральные планы городов и селений), правил и проектов прокладки элементов градостроительного каркаса (проспектов, улиц, каналов и набережных, «вылетных» дорог и т. д.), правил и проектов разбивки осваиваемых территорий на кварталы и кварталов на участки, правил и проектов застройки участков. Причем для разных типов территорий предусматривались четкие и жесткие по реализации правила формирования каркаса и застройки;

— определением еще Петром I типологии столичной среды, обязательно отличающейся по своим параметрам от существовавшей в Европе. Сам Петр I, конечно, с помощью своих профессиональных соратников определил особую типологию формируемой в агломерации среды и особые параметры каждого из ее типов. Подтверждением тому являются его царские (до 1721 г.) — императорские (с 1721 г.) указы и системы нормативных и проектно-реализационных чертежей, утвержденных самим царем. С 1710-х годов начали формироваться и за десятилетия приобрели устойчивые параметры (композиционные, планировочные, архитектурно-образные и т. д.) следующие различные и взаимодополнительные типы формируемой среды, кристаллизованные в иерархии их характеристик:

- центр столичного города;
- периферия столичного города;
- предместья (зоны по границе столичного города, как в черте города, так и вне ее);
- пригороды;
- сельские поселения (вне границ города, но в зоне агломерации).

Каждый из этих типов среды формировался целенаправленно с 1710-х годов и имел четко определенные параметры и правила прокладки каркаса (с нормативной размерностью системы магистралей), размеры и конфигурации кварталов, правила разбивки кварталов на участки определенных размеров и правила их застройки зданиями и сооружениями. При этом были сформированы и жестко соблюдались градостроительные и архитектурные правила, отвечающие принципам максимального проявления столичности осваиваемых типов среды.

Иерархия типов среды сопровождалась иерархией типов магистралей (городских и внегородских), вертикальных доминант, застройки. При этом специально во времена Петра I, возможно, даже по его требованиям, были сформированы главные отличительные особенности агломерации (по сравнению со всеми столичными городами-агломерациями Европы и мира).

Санкт-петербургская агломерация должна формироваться на принципах регулярности, ансамблевости и столичности — так называемая регулярная агломерация (во всех ее элементах), состоять из иерархически сформированных систем ансамблей, в максимальной мере отражать статус «столичности» по сравнению не только с российскими городами, но и с европейскими столичными городскими структурами и агломерациями [24].

Для выявления «столичности» были целенаправленно предприняты особые градостроительные, архитектурные и нормативно-указные меры, которые привели к следующим правилам и результатам.

1. Шаг регулярного градостроительного каркаса агломерации, в первую очередь самого Санкт-Петербурга (не только в качестве столичного города, но и как города — центра агломерации), должен быть значительно более крупным, чем во

всех других столичных городах Европы. Сами городские магистрали должны быть прямыми, гораздо более широкими, чем во всех столичных городах¹. Главные улицы (будущие проспекты) обязательно должны упираться («стрелять») в высотные доминанты. «Вылетные магистрали» из Санкт-Петербурга в максимальной мере должны приобрести черты прямых регулярного типа магистралей, наиболее явный пример тому — прямая магистраль «Москва — Санкт-Петербург», созданная по указу Петра I (1706–1718 гг.), длиной более чем 700 км, ставшая самой протяженной регулярной дорогой в XVIII в. в Европе. Если магистрали сохранялись и использовались еще с допетербургских времен (в качестве примера — известная Петергофская дорога), то они подлежали максимально возможному спрямлению или геометрическому урегулированию.

2. Размеры и площади прямоугольных (чаще всего) кварталов центра города должны быть равными по размерам и площади кварталам средних европейских городов (чаще всего криволинейных по конфигурации). Непрямоугольные кварталы также обязательно должны были иметь геометрически четкие очертания. Размеры и площади всех кварталов периферии города (также обязательно регулярных) могли и должны быть более мелкими, а в предместьях и пригородах, соответственно, еще более мелкими, но столь же регулярными [25].

3. Размеры прямоугольных (чаще всего) участков в кварталах центра Санкт-Петербурга должны быть равными европейским кварталам (чаще всего неправильной формы). На периферии города, в предместьях, в пригородах размеры регулярных (прямоугольных) кварталов соответственно уменьшались (по определенным правилам) [26].

4. Застройка в центре Санкт-Петербурга должна быть обязательно брандмауэрной, под единый карниз (со времен Екатерины II — не выше верха карниза Зимнего дворца), с четким выделением трехчастности решения фасадов по вертикали. Фасадные линии лицевых корпусов в центре Санкт-Петербурга обязательно должны иметь по нечетному числу осей (7–9–11–13–15–17...25), тогда как, для сравнения, в XVII–XVIII вв. во Франции они имели максимум до 5–9 осей, в Англии — до 3–7 осей, в Германии — до 3–7 осей, в Голландии — до 1–3 осей. То есть уличный фасад каждого дома в центре Санкт-Петербурга был специально создан многократно более протяженным, чем в столицах Европы, формируя уличный фронт, эквивалентный фронту целого квартала города в Европе.

Застройка периферии Санкт-Петербурга, а затем предместий и пригородов могла быть менее масштабной, более камерной (по сравнению с центром города).

5. На протяжении всего XVIII в. последовательно формировалась иерархически упорядоченная типология застройки участков в центре, на периферии, в предместьях и пригородах Санкт-Петербургской агломерации.

В центре Санкт-Петербурга обязательно выдерживалась ячеистая структура застройки участков с обязательно лицевым брандмауэрного типа корпусом по красной линии, с одним, двумя или тремя дворами на территории участка (в зави-

¹ Например, в Европе столичные города имели улицы криволинейного очертания шириной (даже главные улицы) 2,5–3,5 м, очень редко до 6,0 м, а в Санкт-Петербурге в обязательном порядке с 1714 г. должны были соблюдаться следующие требования: самые малые, узкие улицы, переулки обязательно шириной в 6,5–8,0 м, средние улицы — шириной в 10,0–15,0 м, главные улицы — шириной в 20,0–25,0 м, иногда до 60,0 м.

симости от его глубины), формируемыми продольными двухсветными корпусами (параллельно красной линии) и односветными корпусами (вдоль боковых границ межевания участка). В XVIII в. этажность застройки была нормирована в 2–3 этажа (с учетом запрета на мансарды и разрешения сооружать мезонины), в середине XIX — начале XX в. этажность застройки выросла до 5–6 этажей (включая разрешение на особые типы мансард).

На периферии города вместо сплошной брандмауэрной ячеистой застройки разрешена была застройка отдельными зданиями (прототип «строчной застройки») этажностью в 4–5 этажей и необязательно по красной линии.

В предместьях нормировалось строительство 2–4-этажных зданий как по красным линиям, так и в глубине участков.

В пригородах в обязательном порядке должны были возводиться отдельно стоящие здания, чаще всего в глубине участков, этажностью в 1–2 этажа (так называемая «коттеджная (или особняковая) застройка»), с максимально возможным процентом озеленения участков.

6. Площади центра Санкт-Петербурга обязательно должны быть регулярными (иметь геометрически четкие очертания), застроенными четко по красным линиям окаймляющей застройкой «под единый карниз», столь же обязательно гораздо более крупными, чем во всех столицах европейских государств. Даже сформированная во времена Екатерины II типология ячеистой застройки участков (с учетом нормативно определенной при Петре I размерности и геометричности городских и пригородных участков) была контрастна типологии европейского зодчества, ведь она привела к тому, что рядовые дворы внутри застраиваемых участков в центре Санкт-Петербурга по площадям равнялись городским площадям городов средневековой Европы.

7. Также со времен Петра I последовательно формировалась иерархическая система вертикальных и символических доминант, а также градостроительных акцентов, которые должны были «держат» все осваиваемое пространство города, окрестностей, даже частично сельских местностей. Совокупность вертикальных доминант города, предместий, окрестностей, пригородов (как в составе Санкт-Петербургской агломерации, так и вне ее границ), а также территорий пригородных уездов Санкт-Петербургской губернии объединяло вертикальные доминанты пяти классов (рангов, уровней). От самых крупных (с высотой в 100 и более метров и радиусом видимости в 20–40 км) до мельчайших (малых вертикальных доминант с радиусом видимости в 200–400 м). К вертикальным доминантам относились все 456 храмов Санкт-Петербурга, сотни храмов пригородных уездов (Петергофского, Царскосельского, Шлиссельбургского, Санкт-Петербургского), шпили и купола жилых, общественных, административных, промышленных зданий и сооружений. Высший уровень составляли только пять объектов — шпиль Адмиралтейства, главный купол Смольного собора, главный купол Исаакиевского собора, купол Морского собора в Кронштадте, шпиль Петропавловского собора в Петропавловской крепости. Каждый из них «держал» вокруг себя пространство в десятки километров. Более низкие и последовательно более локальные 2–5 классы (ранги, уровни) вертикальных доминант дополняли высоту этих главных вертикалей, создавая практически триангуляционную по плотности и пространственной геометрии сеть вертикалей как важнейшей ориентационной системы столичного города и агломе-

рации в целом. Размещение вертикальных доминант с 1703 г. было не случайным, а тонко выверенным в равнинном пространстве дельты Невы, акватории Финского залива, на террасах уступов Литоринового моря.

Все это было проявлением последовательной в десятилетиях и осознанной рукотворности всей многокилометровой пространственной зоны долин Ладожского озера, Приневья и акватории и прибрежных районов Финского залива. Причем без прямых аналогов в западноевропейском зодчестве. И высшим проявлением этой пространственной режиссуры стало формирование контрастных типов градостроительной среды. То есть специально со времен Петра I была введена иерархия типов формируемой среды (центр столичного города — периферия города — предместья — пригороды — сельское окружение) с нормируемыми, явно контрастными по сравнению с градостроительством и архитектурой других стран параметрами.

Такой подход четко выявлял пространство, в котором находились зрители-люди, сообщества людей, и одновременно концептуально отделял само пространство (и всю его иерархию) от всего зодчества Европы, проявляя, как думали в те времена, принцип особой силы, могущества — «столичности». Эта целенаправленно на протяжении десятилетий вводимая *режиссура* пространственных построений не только самого города, но и огромных территорий вокруг него имела главной целью создание столичной агломерации невиданной формы и значимости. Ведь в те столетия думали и воспринимали в системе особых парадигм: если самый крупный, самый высокий, самый регулярный, самый ансамблевый — значит самый-самый «столичный». И важнейшими формируемыми по особым установкам и подходам признаками в этой системе были не функциональные, транспортные и другие характеристики (принятые в наше время), а пространственно (градостроительно)-композиционные параметры и признаки (отвергнутые в современном зодчестве).

Таким образом, со времен Петра I в генезис Санкт-Петербурга и всей его агломерации целенаправленно был заложен ген особой столичности, столичности не российского уровня, а европейского, возможно, всемирного [27]. Это позволяет с достаточной уверенностью утверждать, что Санкт-Петербург и вся санкт-петербургская агломерация целенаправленно закладывались и развивались со времен Петра I в рамках генетического кода столицы мирового уровня — одной из мировых столиц [28].

Отступление второе. Сформированная в проектах, реализованная в массовом строительстве, закреплённая в сотнях, вернее в тысячах, указов и нормативных актов иерархия градостроительно-пространственно-композиционных типов среды стала обязательной для исполнения в Санкт-Петербурге и его агломерации. Фактически каждый градостроительный документ уровня генерального плана (до 1920-х годов такие планы называли планами урегулирования) включал обязательный раздел, раскрывающий разрешенные к реализации на определенных территориях типы среды. Параллельно с высочайшим рассмотрением и утверждением («конфирмацией») плана урегулирования столиц — Санкт-Петербурга и Москвы (а также любого другого города Российской империи) — проводилась «конфирмация» правил застройки этих городов. В этих правилах были определены территориальные зоны, их границы, а также требования к существующей и предполагаемой к осуществлению застройке. Для Санкт-Петербурга такие правила известны с 1712 г., затем они последовательно, параллельно с каждым «конфирмованным»

планом урегулирования уточнялись и высочайше переутверждались. Последние в эпоху Российской империи утверждения нашли отражение в плане урегулирования 1907–1908 гг. (единый план урегулирования Санкт-Петербурга) и в его варианте 1908–1909 гг. (план урегулирования Санкт-Петербурга по полицейским частям города) [29; 30].

Отступление третье. В процессе градостроительного развития в Санкт-Петербурге сформировалась устойчивая традиция проработки в течение многих лет (даже десятилетий) крупнейших градостроительных решений и поиска наиболее верного, сбалансированного и эффективного решения на основе использования принципа многократного вариативного (часто конкурсного) подхода. Причем все решения рассматривались непосредственно императорами, которые лично контролировали все градостроительные и архитектурные дела в российской столице, утверждая все градостроительные проекты и проекты всех архитектурных объектов в центре города (даже, например, архитектурное решение какого-нибудь балкона или козырька над входом в здание). Градостроительство и архитектура Санкт-Петербурга было профессиональным делом всех российских императоров.

Все крупнейшие территориальные градостроительные темы в Санкт-Петербурге по много раз усилиями нескольких архитекторов (или, реже, одного) на основе отработки многочисленных вариантов уточнялись, выверялись, шлифовались в поисках наиболее верного, наиболее адекватного и эффективного решения. Здесь можно вспомнить, что даже такой гениальный и профессиональный градостроитель и архитектор, как К. И. Росси, прорабатывал тему ансамбля площади Александринского театра (совр. площадь Островского), Театральной улицы (совр. улица Зодчего России) и площади у р. Фонтанки (совр. площадь Ломоносова) в 18-ти вариантах, чтобы найти наиболее выверенный и наиболее эффективный вариант. О перипетиях многолетнего, многотрудного поиска наилучших вариантов ансамбля можно прочесть в работах В. А. Богословского [31], Г. Г. Гримма [32], в изданиях собраний проектных чертежей К. И. Росси [33] и, конечно, в трудах М. З. Тарановской [34–36].

Для многих ансамблей, комплексов и территорий вариативный поиск наиболее удачного решения растягивался на десятилетия. По некоторым территориям, объектам и комплексам известны более 100 вариантов и разных проектов разных времен и разных архитекторов. Причем отшлифованные на более ранних этапах в предыдущих проектах элементы, фрагменты, подтемы, нюансы, проявлявшиеся в таких предварительных вариантах, старались аккумулировать, объединять и не отвергать при последующих наработках. Поэтому до 1917 г. не было случаев проектирования и строительства в один прием (спроектировали — и сразу построили) в угоду сиюминутным требованиям и решениям, не было (или было очень мало) и крупных градостроительных ошибок и столь же крупных градостроительно-территориальных неудач.

* * *

Если попытаться соотнести многие значительные особенности развития архитектуры петроградского-ленинградского авангарда с линиями развития архитектуры еще досоветского императорского Санкт-Петербурга, то часть непонятных моментов в истории авангарда прояснится.

Здесь можно начать с известного проекта (осуществленного только на стадии макета) «Башни Татлина», вернее, Памятника III Коммунистического интернационала, предложенной архитектором, художником, общественным деятелем В. Е. Татлиным в 1919–1920 гг. Макеты «Башни» были исполнены самим В. Е. Татлиными и его соратниками (учениками?) — И. А. Меерзоном, М. П. Виноградовым, Т. М. Шапиро².

Известнейшее на весь мир, революционное по своей образно-символической сути предложение, предполагавшее сооружение на Троицкой площади Петроградской стороны огромной башни высотой 400 м, с наклоном стальных направляющих строго на 23,5°, с нанизанными на ее вертикальную ось четырьмя стеклянными геометрически четкими объемами, каждый из которых должен был вращаться вокруг своей оси с особой скоростью: нижний — куб (с помещениями для проведения съездов и конференций) со скоростью вращения 1 оборот в год, выше — пирамида (для размещения руководства III Интернационала как правительства земного шара) со скоростью вращения 1 оборот в месяц, еще выше — цилиндр (с помещениями для информационных бюро, издательства, типографии, телеграфа) со скоростью вращения 1 оборот в день, верхнее помещение — полусфера (его точное авторское предназначение неизвестно, возможно, для размещения художников?) со скоростью вращения 1 оборот в час (?). Над объемами предполагалось устроить гигантские радиомачты и авиационные прожекторы.

Это предложение изумило и покорило специалистов многих стран своей особой высотностью (400 м!) и символическостью (400 м — 1:100 000 меридиана земного шара; 23,5° — наклон земной оси, спираль конструкций самой башни — символ динамизма эпохи...) [37, с. 14–27] (рис. 8).

Изображения и макеты «Башни Татлина» стали символом советской России, нового революционного архитектурного творчества, более того, символом всего революционного искусства и разошлись по всему миру.

Но почему эта идея была предложена именно в таком виде (как самое высокое сооружение в мире) и именно здесь (на Троицкой площади)? Все объяснения кон-

² В литературе известно несколько вариантов-версий Памятника III Интернационала («Башни Татлина»). Идея гигантского, высотой 400 м памятника Октябрьской революции (затем — созданному в 1919 г. Коммунистическому интернационалу — Коминтерну) в форме динамически устремленного в небо монумента-здания на самой древней городской площади Петрограда возникла у Владимира Евграфовича Татлина в начале 1919 г., когда он участвовал в программе монументальной пропаганды как сотрудник ИЗО Наркомпроса и работал в Петрограде. Татлин и соратники начали строить модель (размерами по высоте приблизительно 5 м) в Мозаичной мастерской Петроградских свободных художественных мастерских (бывшей Императорской Академии художеств). Материалом служили дерево, фанера, жель и металлический крепеж. Там же в мастерской 8 ноября 1920 г. открылась выставка уже спроектированной и смонтированной модели, параллельно во время выставки проводились обсуждения и митинги. В декабре 1920 — январе 1921 г. модель была перевезена в Москву и выставлена в Доме Союзов во время проведения VIII съезда Советов, оттуда ее передали в Третьяковскую галерею (где она, возможно, и пропала). В 1924 г. Татлина предложили построить модель башни для советского раздела на Международной выставке декоративного искусства и промышленности в Париже, к 1 февраля 1925 г. работа была закончена и отправлена в Париж, где получила золотую медаль. Потом модель передали в Русский музей (но и эта модель, возможно, была утрачена) [37].

Автору статьи один из соратников В. Е. Татлина и участников выполнения макетов Т. М. Шапиро рассказывал еще в 1970-е годы, что их группа выполнила пять макетов «Башни». Т. М. Шапиро сам в 1975 г. воссоздал вариант модели (высотой в 1 метр), и эта модель (вернее, ее фотография) была экспонирована на персональной монографической выставке В. Е. Татлина в 1977 г.

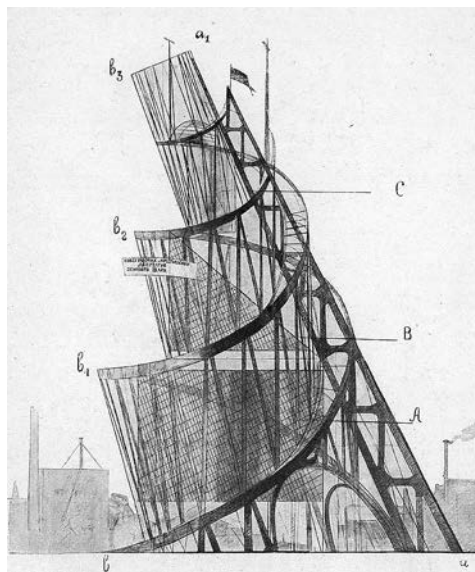

Рис. 8. Памятник III Коммунистического интернационала («Башня Татлина»). Макет исполнили В. Е. Татлин, И. А. Меерзон, М. П. Виноградов, Т. М. Шапиро (по: [37, с. 15])

центрировались на внимании к пафосу и революционности начала новой эпохи советской России после Октябрьской революции [38–40].

Конечно, пафосность и программность проектного (макетного) предложения соответствовали символичности эпохи первых послереволюционных лет. Этот всемирный столичный масштаб предложения совпадал с идеями мировой революции под лозунгами III Коммунистического интернационала. Тем более что сам Петроград этого времени хотя и потерял с февраля-марта 1918 г. статус российской столицы, но был недолгое время столицей грандиозной по территориям Северной области в рамках РСФСР (вплоть до времени самоликвидации в январе-феврале 1919 г. Союза коммун Северной области), затем — фактической столицей III Коммунистического интернационала, созданного 4 марта 1919 г. И его руководителем, как тогда говорили «вождем Коммунистического интернационала», стал Г. Е. Зиновьев, одновременно председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Союза коммун Северной области, «революционный диктатор» Петрограда и всей обширной северо-западной зоны России [40; 41].

Впрочем, после переезда правительства РСФСР в Москву (февраль 1918 г.) Петроград несколько лет переживал очень большие трудности. Вплоть до середины 1920-х годов сохранялась полная неясность в дальнейшей судьбе города. В правительственных кругах и среди специалистов рассматривались варианты от максимального ускорения восстановительных работ до полного упразднения самого города, начиная с ликвидации его промышленности (с переводом производств в другие российские центры, в том числе в Новгород) и вывоза остававшегося населения [42].

Как известно, к 1920–1921 гг. производство в Петрограде полностью прекратилось, «встала» промышленность, город охватил небывалый голод. Население в свя-

зи с эвакуацией и отъездом многих жителей (в городе не было продовольствия) резко сократилось от имевшихся к началу 1917 г. 2,4 миллиона человек до всего 722 000 человек в 1920 г. (иногда называют 740 или 760 тысяч человек, но эти цифры не сглаживают картину демографической и социальной катастрофы). Даже в этих чудовищных условиях в «умирающем городе» продолжалась профессиональная, в том числе архитектурная, художественная, творческая деятельность. Петроград боролся за сохранение (восстановление) своего столичного статуса. Так, во времена развала и разрухи, в начале августа 1918 г., выступая на 2-м съезде Советов Северной области Г.Е. Зиновьев говорил: «Петроград... до сих пор в значительной степени не потерял своих функций как столица... и будем надеяться, что в ближайшее время он сможет себе их вернуть и наша центральная власть первая будет рада реэвакуации сюда». Аналогичными были и высказывания заведующего отделом коммунального хозяйства Петроградского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов (Откомхоза Петросовета) Л.М. Михайлова в конце 1920 г. о необходимости строительства в Петрограде метрополитена не только для решения транспортных проблем, но и для повышения значения Петрограда «в ряду городов Республики».

В этих непростых условиях и появилась идея создания пафосного, наполненного символическим духом всемирной масштабности сооружения — «Башни Татлина» как мощного символа сохранения, возрождения и устремленности в будущее именно столичного города. Поэтому символизм «Башни Татлина» был гораздо более сильным и многогранным, чем видится потомкам ее создателей.

«Башня Татлина» не была сооружена. Но ее главные идеи символичности и динамической устремленности в облачные выси были использованы в другом нереализованном (и столь же грандиозном) предложении создать там же, на Троицкой площади, вместо «Башни Татлина» огромный (высотой 400 м!) памятник В.И. Ленину (в память об умершем 21 января 1924 г. вожде революции и руководителе РСФСР). По эскизному проекту архитектора В.А. Щуко силами всех рабочих заводов и фабрик Петрограда из металлического каркаса и брони было намечено возвести колоссальный монумент вождя в полный рост, с высоко поднятой зовущей в будущее рукой, установленный на высокий, многоступенчатый, сужающийся к вершине постамент, предложенный к использованию в качестве понижающей подстанции Волховстроя.

Огромная скульптура вождя приблизительно, как показывает композиция всего памятника, размером 100 метров должна опираться на грандиозный, высотой в 300 метров постамент, причем поднятая указующая (ориентирующая во времени и пространстве) рука Ленина возносится над Невой, не только над заневскими перспективами главных территорий Петрограда — Ленинграда, но, возможно, и над обширнейшими пространствами всей вздыбленной революцией России. Вся композиция, вероятно, должна была символизировать не только неизбежность победы мировой революции, но и революционность творческой жизни новой страны. Динамичность и многоступенчатость монумента явно соизмеримы и сопоставимы с динамичностью «Башни Татлина», но более традиционна в русле мирового зодчества — вспомним знаменитые, символические, сакральные и загадочные, вечные по своим объемам зиккураты Вавилона! Здесь еще более кристаллизована идея превратить памятный монумент в сакральное здание-памятник. В компози-

ции самого памятника и его окружения на площади и по набережной также предполагалось установить мачты монтажных кранов и радиостанций, все пространство вокруг должны пронизывать лучи прожекторов. Безбрежные высоты неба над монументом отданы под эскадрильи самолетов [43]. Все это собрано для обозначения уникальности места, монумента, личности Ленина (рис. 9)³.

Но одновременно во всем ощущается скрытая преемственность предложений. Понижающая подстанция в постаменте — прямая реплика на возведение Волхов-

Рис. 9. Проект памятника В.И. Ленину на Троицкой площади в Петрограде — Ленинграде. 1924 г., арх. В. А. Шуко. Рис. В. А. Шуко (по: [43, с. 217])

ской ГЭС. Здесь можно и нужно вспомнить, что в те годы готовились к открытию Волховстроя и в 1925–1926 г. велось строительство ряда понижающих станций Волховской ГЭС на территории Ленинграда и его окрестностей.

Новое монументальное предложение было во многом символическим продолжением идей «Башни Татлина»: те же символические 400 м (1:100 000 меридиана Земли) как самое высокое сооружение в мире, грандиозный металлический каркас, но уже не сопутствующее ему стекло, а металлическое бронеовое решение оболочки, снова на Троицкой площади⁴.

³ Автор статьи выражает признательность А. И. Котломанову и В. С. Сперанской за помощь в поиске иллюстраций 1920-х годов.

⁴ В 1924 г. архитектор В. А. Шуко о проекте памятника В. И. Ленину на бывшей Троицкой площади писал: «Гигантская фигура Ильича, не отлитая из бронзы, а клепанная из железа и стальной брони руками рабочих всех заводов, подножием которой служит колоссальный постамент, включающий в себя помещение, обслуживающее любимое детище Ленина — Волховстрой (например, трансформаторная); дабы таким образом сила Волховстроя исходила по Ленинграду от фигуры Ленина. В хаосе лесов, конструкций, кранов и подъемников, опутывающих сеть постамент, иллюстрирующих новое пролетарское строительство Союза, найдется место на громадной высоте и для радио- и метеорологической станции. Таким образом, динамическая, призывающая к восстанию

Интересно, что идеи, сформулированные в макете «Башни Татлина» и в проекте памятника В. И. Ленину (оба — на Троицкой площади в Петрограде), нашли свою дальнейшую кристаллизацию в конкурсе, проекте и начале возведения знаменитого Дворца Советов в Москве.

Сакральное тождество высоты нового памятника В. И. Ленину и высоты «Башни Татлина» поражает. Столь же поражают предложения соорудить именно на Троицкой площади грандиозные, общие по габаритам, особенностям возведения, использования материалов, общей символичности памятники. Такие совпадения предполагают, что идейным вдохновителем мог быть крупнейший руководитель в городе, возможно, всевластный тогда Г. Е. Зиновьев. А профессиональными разработчиками идей были художник В. Е. Татлин и архитектор В. А. Шуко⁵.

Символизм «Башни Татлина» и памятника В. И. Ленину проявлялся не только в их проектных высотных параметрах (400 м), геометричности предложенных к созданию объемов (в структуре «Башни Татлина»), в динамизме идей по вращению намеченных к строительству объемов (в «Башне Татлина»), но и в их соотношенности с геометрией и длиной меридиана Земли (400 м = 1:100 000 меридиана Земли), изученного силами военных топографов и астрономов России при измерении в 1816–1855 гг. знаменитой геодезической дуги Василия Яковлевича (Фридриха-Георга-Вильгельма) Струве, директора Пулковской обсерватории и члена Санкт-Петербургской академии наук⁶.

Другой причиной (также астрономической!) возможного размещения «Башни Татлина» и памятника В. И. Ленину на Троицкой площади могло быть то, что знаменитый Пулковский меридиан проходил очень близко (по геодезическим и топографическим канонам) от Троицкой площади Санкт-Петербурга, вызывая, естественно, сильные символические аллюзии.

Но возможны и другие обоснования. Тем более что сама территория Троицкой площади рассматривалась градостроительным руководством Петрограда в качестве одной из важнейших площадей нового социалистического города. В советское время в зоне Троицкой площади (ставшей площадью Революции) намечали создать крупнейший общественный центр, который должен был получить особую функциональную направленность и предназначенность. Под руководством Л. А. Ильи-

фигура вместе со своим постаментом будет не обычно статической, а, наоборот, станет жить и кипеть внутренней жизнью» (цит. по: [44, с. 265]).

⁵ Возможно, инициаторами «Башни Татлина» и памятника В. И. Ленину были другие руководители Петрограда, например последовательно сменявшие друг друга секретари и председатели Петроградского губернского комитета РСДРП (б) М. М. Харитонов (март 1918 — ноябрь 1919), С. С. Зорин (ноябрь 1919 — февраль 1921), Н. А. Кубяк (октябрь 1918 — февраль 1920), Н. А. Угланов (21 февраля — декабрь 1921), И. Н. Смирнов (декабрь 1921 — апрель 1922), П. А. Залуцкий (апрель 1922 — октябрь 1925) [45, с. 344–350].

⁶ Геодезическая дуга Струве объединяла «Скандинавскую дугу» (на территории Унии Швеции и Норвегии, от Фуглейнеса на берегу Баренцева моря в Норвегии до Торнио в Русской Финляндии) и «Русскую дугу» (на территории Российской империи, от городка Торнио в Русской Финляндии до окрестностей Измаила). Она состоит из 265 триангуляционных пунктов на протяжении более 2820 км — от «пункта Фуглейнес» на побережье Баренцева моря в районе Хаммерфеста в Норвегии (70° северной широты) до «пункта Ново-Некрасовка» у Измаила в Одесской области Украины (45° северной широты), проложена по территориям современных Норвегии, Швеции, Финляндии, России, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, Молдовы, Украины, с 2004 г. стала объектом всемирного наследия ЮНЕСКО и очень точным инструментом изучения формы Земли и ее геометрических параметров, в том числе длины меридианов.

на уже после 1925 г. были разработаны два варианта нового градостроительного ансамбля. Здесь (в зоне площади) было предложено разместить здание Дворца революции с Институтом ленинизма, Мемориальным музеем В. И. Ленина («Дом Ленина» в бывшем особняке Кшесинской), Домом политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В центре новой площади намеревались установить памятник-монумент трем поколениям русских революционеров. В северной части наметили обширную площадь для митингов и манифестаций, а в южной части площади был задуман сквер с бассейном и фонтаном, с широким спуском к Неве, украшенным скульптурой [45].

Но еще более глубокие, поистине коренные моменты связывали тему площади и ее градостроительно-архитектурных особенностей в советское время с развитием самой площади на протяжении 1703–1917 гг. С 1703 г. Троицкая площадь формировалась как главная городская площадь, а с 1712 г. — как главная площадь российской столицы. В сознании петербуржцев Троицкая площадь на протяжении десятилетий оставалась первой площадью в городе, где зарождалась его столичная жизнь, где начинался Санкт-Петербург как столица Российской империи, независимо от того, в каком состоянии она пребывала к концу XIX — началу XX в. И особенно это восприятие проявилось в 1903–1912 гг. после «встряски» юбилейных торжеств в честь 200-летия Санкт-Петербурга и проведения знаменитой Исторической выставки архитектуры Санкт-Петербурга. Вполне возможно, что первая площадь столичного Санкт-Петербурга вполне могла стать (символически или реально-градостроительно?) первой площадью социалистического Петрограда в противовес императорской Дворцовой площади еще во времена формулирования первых, традиционных с императорских времен предложений по урегулированию Петрограда (1918–1920 гг.) в Архитектурной мастерской И. А. Фомина.

Но эта площадь драгоценна не только своей историей. Здесь в 1710–1711 гг. соорудили небольшую деревянную Троицкую церковь, которая быстро приобрела значение личной церкви Петра Первого, получив статус Троицкого собора. С 1714 г. Троицкий собор стал главным собором Санкт-Петербурга, в нем с участием царя и членов царской семьи проводили богослужения, в том числе в честь выдающихся государственных событий, например в честь Полтавской победы, Ништадтского мирного договора об окончании Северной войны. С крыльца собора часто зачитывали царские указы. Именно в Троицком соборе 22 октября 1721 г. Петр Первый принял поднесенные Правительствующим Сенатом и Святейшим Синодом титулы «Петр Великий», «Отец Отечества», «Российский император». В первые десятилетия жизни столичного города в соборе хранилась главная святыня Санкт-Петербурга — икона Казанской Божией Матери.

После смерти Петра I Троицкая церковь уже была не только действующей церковью, но и мемориальным (в память императора Петра Великого) Троицким собором, который даже официально называли Троице-Петровским собором. Низкая одноэтажная церковь не доминировала в градостроительном поле города, но затмевала все своей символичностью и мемориальностью. Она несколько раз перестраивалась: по ветхости в 1743–1746 гг., после пожара в 1750–1756 гг. [46–49].

Новый пожар Троице-Петровского собора случился в ночь с 7 (20) на 8 (21) февраля 1913 г., и одноэтажный с невысоким барочным куполом собор и его неболь-

шая колокольня полностью сгорели. В процессе обсуждения возможностей восстановления сгоревшего храма, замены его на новый или создания здесь совершенно нового градостроительного решения мнения специалистов разделились. Одни предлагали возобновить на прежнем месте старый храм (в исторических формах), другие признавали такое решение невозможным и несовременным. В рамках состоявшегося архитектурного конкурса на создание нового храма вместо сгоревшего (точно на старом месте или почти на старом месте — недалеко от сгоревшего храма) выдвигались даже идеи о строительстве самого высокого в России собора, например на несколько саженей выше Исаакиевского собора. В августе 1913 г. был сформирован особый Комитет по строительству каменного собора — самого крупного собора в России (на 16 000 человек!). Комитет возглавил великий князь Иоанн Константинович. Комитет находился под покровительством императрицы Александры Федоровны [50; 51]. Несмотря на фантастичность, идея о самом высоком храме в России продолжала существовать.

Суровые времена Первой мировой войны отодвинули в область нереальных фантазий создание на Троицкой площади самого высокого храма в России, но, возможно, зерна этой дискуссии все же сохранялись в головах многих представителей руководства города, творческой интеллигенции и рядовых горожан. Они естественно и очень мощно проросли в революционность и всемирную масштабность предложений 1919–1920 гг. о сооружении «Башни Татлина» — и 1924 г. и создании памятника В. И. Ленину именно как самых высоких сооружений в России и мире и именно на Троицкой площади, существовавшей с 1703 г.

Тем самым проявилась удивительная особенность революционного Петрограда: крупнейшие революционные градостроительные предложения и идеи, сформулированные после 1917 г. в экстазе революционной мысли, революционной символики и революционной масштабности, оказывается, были в значительной мере предопределены закономерностями развития императорского Санкт-Петербурга. И не только предопределены, но и последовательно прорабатывались до 1917 г. Главные символично-образные предложения раннего революционного петроградского архитектурного авангарда — «Башня Татлина» и памятник В. И. Ленину (выбор места их сооружения, габаритные и символично-образные характеристики) — родились в русле императорских градостроительных традиций.

Таким образом, социалистический авангард Петрограда — Ленинграда даже в своих наиболее пафосных предложениях продолжил на берегах Невы пространственные и символические традиции императорского Санкт-Петербурга.

Литература

1. Горячечный и триумфальный город. Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу / сост., автор предисл. и коммент. М. В. Ходяков. СПб.: Изд. СПбГУ, 2000. 368 с.
2. Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / отв. ред. В. А. Шишкин. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. 348 с.
3. Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Каталог / авт.-сост. М. Л. Макогонова. СПб.: ГМИСПб., 2008. 236 с., ил.
4. Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг.: Документы и материалы / сост., автор статей и примеч. В. Э. Хазанова. М.: Изд. АН СССР, 1963. 250 с., ил.
5. Из истории советской архитектуры. 1926–1932 гг.: Документы и материалы / сост., автор статей и примеч. В. Э. Хазанова. М.: Наука, 1970. 268 с., ил.

6. Кириков Б. М., Штиглиц М. С. Архитектура Ленинградского авангарда / под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб.: «Коло», 2008. 384 с., ил.
7. Хазанова В. Э. Советская архитектура первых лет Октября. М.: Наука, 1970. 214 с., ил.
8. Хазанова В. Э. Советская архитектура Первой пятилетки. Проблемы города будущего. М.: Наука, 1980. 373 с., ил.
9. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. М.: Стройиздат, 1996. Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения. 709 с., ил.
10. Васенина Л. Ф., Григорьева Г. К. Генеральный план города (исходные данные, проект и реализация). СПб.: СПбГАСУ, 2005. 28 с.
11. Заварихин С. П. Советская архитектура. 1917 — середина 1950-х гг. Л.: ЛИСИ, 1984. 96 с., ил.
12. Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов. От творческих замыслов к практике строительства. М.: URSS, 2000. 378 с., ил.
13. Лавров Л. П., Лихачева Л. Н. Санкт-Петербург. Архитектурный путеводитель. 1703–2003. СПб.: Эклектика, 2002. 208 с., ил.
14. Ленинградский Дом Советов. Архитектурные конкурсы 1930-х годов. Каталог / сост. В. Г. Авдеев, Т. В. Лобанова. СПб.: ГМИСПб, 2006. 108 с., ил.
15. Лисовский В. Г. Архитектура Петербурга. Три века истории. СПб.: Славия, 2004. 416 с., ил.
16. Архитектор Андрей Андреевич Оль. 1883–1958. Графика и документы в собрании Государственного музея истории Санкт-Петербурга / сост. Л. А. Кирикова, Г. В. Васильева, К. В. Житорчук. СПб.: ГМИСПб, 2008. 180 с., ил.
17. Архитектор Ной Абрамович Троцкий. 1895–1940. Графика и документы в собрании Государственного музея истории Санкт-Петербурга / сост. Г. В. Авдеев, Т. М. Семенова, Т. В. Лобанова, Л. П. Баклан, В. Е. Ловягина. СПб.: ГМИСПб, 2005. 108 с., ил.
18. Баранов Н. Н., Исаченко В. Г. Главный архитектор Ленинграда Николай Баранов. Творческий путь и судьба. СПб.: Стройиздат, 2001. 127 с., ил.
19. Бусырева Е. П. Лев Ильин. СПб.: ГМИСПб, 2008. 256 с., ил.
20. Оль Г. А. Александр Никольский. Л.: Лениздат, 1980. 136 с., ил. (Зодчие нашего города).
21. Оль Г. А., Левинсон Е. Э. Евгений Левинсон. Л.: Лениздат, 1976. 143 с., ил. (Мастера архитектуры).
22. Оль Г. А., Лансере Н. Н. Н. Е. Лансере. Л.: Лениздат, 1986. 184 с., ил. (Мастера архитектуры).
23. Хомуцкий Н. Ф. Ленинград. Очерк архитектуры. [Б/м]: Гос. изд-во по строительству и архитектуре, 1953. 212 с., ил.
24. Семенцов С. В. Последовательное формирование Санктпетербургской агломерации при Петре Первом // «Мы были!». Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха. СПб., 2004. Ч. 2. С. 52–73.
25. Семенцов С. В. Этапы формирования пространственной среды Санкт-Петербурга. Ч. 1. Историческое развитие кварталов и их регламентация // Вестник гражданских инженеров. 2006. № 2 (7). Июнь. С. 15–20.
26. Семенцов С. В. Этапы формирования пространственной среды Санкт-Петербурга. Ч. 2. Историческое развитие участков (системы разбивки и застройки участков) и их регламентация // Вестник гражданских инженеров. 2006. № 3 (8). Сентябрь. С. 21–26.
27. Семенцов С. В. Санкт-Петербург — одна из мировых столиц // Третьи Петербургские Кареевские чтения по новистике. «Становление мира как “общего дома” человечества: динамика, этапы, перспективы (XV–XXI вв.)». 6–9 декабря 1999 г.: Краткое содержание докладов / под ред. Б. М. Комиссарова. СПб.: Изд. СПбГУ, 2003. С. 327–335.
28. Семенцов С. В. Формирование градостроительного генетического кода Санкт-Петербурга в XVIII–XX столетиях // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования. Вып. 1. Памяти Т. Ф. Саваренской / отв. ред. И. А. Бондаренко. М.: URSS, 2007. С. 338–367.
29. «Мера котлину острову каналом идворам». 1712 г. [Проект размещения города с каналами и дворами (участками) на о. Котлин] (1712 г.). Санкт-Петербург // НИОР Библиотеки РАН. Собрание рукописных карт. Основная опись. № 754.
30. ПЛАНЪ города С. ПЕТЕРБУРГА съ показаніемъ урегулированія улицъ, назначеннаго по плану Высочайше утвержденному 7-го Марта 1880 года и происшедшихъ съ того времени до 1-го Января 1908 года, измененій въ урегулированіи и наименованіи улицъ, площадей, набережныхъ, мостовъ и проч., последовавшихъ по особымъ ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнымъ планамъ и Высочайшимъ повеленіямъ // РНБ. Отдел картографии. К 3-Пб 4/86.
31. Богословский В. А. Планировка площади перед б. Александринским театром // Архитектурное наследство. 1959. № 9. С. 45–50.

32. *Гримм Г.Г.* Ансамбли Росси. Площадь Искусств и площадь Островского. М.; Л.: Искусство, 1946. 64 с., ил. (Архитектурные ансамбли Ленинграда).
33. Росси Карл Иванович (1775–1849). Каталог архитектурных чертежей и проектов предметов прикладного искусства. К 200-летию со дня рождения / под ред. Н.И. Никулиной. Л.: Искусство, 1975. 180 с.
34. *Тарановская М.З.* Ансамбль Театра им. А.С. Пушкина: Площадь Островского, улица Зодчего Росси, площадь Ломоносова. Л.: Гос. изд. литературы по строительству и архитектуре, 1954. 26 с., ил. (Архитектурные ансамбли Ленинграда).
35. *Тарановская М.З.* Архитектор Росси: Здание Академического театра драмы имени А.С. Пушкина (б. Александринский) в Ленинграде. К 250-летию Ленинграда. Л.: Госстройиздат, 1956. 131 с., ил. (Памятники русской архитектуры. Обмеры и исследования).
36. *Тарановская М.З.* Карл Росси. Архитектор. Градостроитель. Художник. Л.: Стройиздат, 1980. 223 с., ил.
37. В.Е. Татлин. Заслуженный деятель искусств РСФСР. 1885–1953. Каталог выставки произведений / сост. Л. Жадова, З. Мелит. М.: Советский художник, 1977. 67 с. (Из собрания В.С. Сперанской с карандашными пометами Т.М. Шапиро).
38. *Пунин Н.Н.* Памятник III Интернационала. Проект художника В.Е. Татлина. Пг.: Изд. отд. изобр. искусств Н.К.П., 1920. 7 с., ил.
39. *Анненков Ю.П.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий: В 2 т. Л.: Искусство, 1991. Т. 2. 303 с., ил.
40. *Зиновьев Г.Е.* Коммунистический Интернационал за работой. Практические проблемы в Коминтерне и работа его секций. Речи, произнесенные на IV Всемирном конгрессе Коминтерна. М.; Пг.: Гос. изд. тип. «Печатный двор», 1922. 168 с.
41. *Смирнов А.П.* Петербургский миф Григория Зиновьева // История Петербурга. 2006. № 4. С. 9–12.
42. Протокол 23-го заседания Совета по урегулированию плана Петрограда и его окраин по вопросу перенесения фабрик и заводов из Петрограда в Новгород // ЦГАЛИ. Ф.72. Оп. 1. Д. 70. Л. 9–9 об.
43. Великий вождь: Художественно-литературный сборник / под ред. Н.А. Семашко. М.: Изд-во Комиссии помощи детям при Президиуме Моссовета, 1924. 288 с., ил.
44. Мастера советской архитектуры об архитектуре. М.: Искусство, 1975. Т. 1. 541 с., ил.
45. Руководители Санкт-Петербурга. СПб.; М.: ОЛМА Медиа Групп, 2003. 576 с.
46. *Бусырева Е.П., Чеканова О.А.* Лев Ильин // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век. СПб.: Лениздат, 2000. С. 209.
47. *Антонов В.В., Кобак А.В.* Святые Санкт-Петербурга. СПб.: Изд. Чернышева, 1996. Т. 1. 288 с., ил.
48. *Калязина Н.В., Калязин Е.А.* Александр Меншиков — строитель России. СПб.: Лики России, 2008. Ч. 2. 488 с.
49. *Малиновский К.В.* Санкт-Петербург XVIII века. СПб.: Крива, 2008. 576 с., ил.
50. *Семенцов С.В., Останина А.А.* Деревянное зодчество Петербурга первого строительного этапа (1703–1730-е годы): возможно ли воссоздание Троице-Петровского собора? // Народное зодчество: Межвузовский сборник. Петрозаводск: Изд. ПетрГУ, 2007. С. 47–57.
51. Известия по С.-Петербургской епархии (Известия по Петроградской епархии). СПб. (Пг.), 1902–1916.
52. *Черепенина Н.Ю., Шкаровский М.В.* Справочник по истории православных храмов и монастырей г. Санкт-Петербурга. 1917–1945 гг. СПб.: НИЦ «Мемориал», 1996. 157 с.
- Для цитирования:** Семенцов С.В. Развитие революционного архитектурного авангарда в Петрограде — Ленинграде по градостроительным канонам императорского Санкт-Петербурга. Часть 1. От Петра Великого до В.И. Ленина // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. 2017. Т. 7. Вып. 2. С. 249–272. DOI: 10.21638/11701/spbu15.2017.207

References

1. *Goriachechnyi i triumfal'nyi gorod. Petrograd: ot «voennogo kommunizma» k NEPu [Feverous and triumphal city. Petrograd: from "military communism" to the New Economic Policy]*. Comp., author of the foreword and commentary by M. V. Khodiakov. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2000. 368 p. (In Russian)

2. Petrograd na perelome epokh. Gorod i ego zhiteli v gody revoliutsii i Grazhdanskoi voiny [Petrograd at the epochs' turning point. The city and its citizens in days of revolution and Civil war]. Ed. by V. A. Shishkin. St. Petersburg, "Dmitrii Bulanin" Publ., 2002. 348 p. (In Russian)
3. Arkhitekturnaia grafika epokhi konstruktivizma v sobranii Gosudarstvennogo muzeia istorii Sankt-Peterburga. Katalog [Architectural graphics of the constructivism era in the collection of the State Museum of History in St. Petersburg. Catalog]. Author-comp. M. L. Makogonova. St. Petersburg, GMISPB. Publ, 2008. 236 p., il. (In Russian)
4. Iz istorii sovetskoj arkhitektury. 1917–1925 gg.: Dokumenty i materialy [From history of the Soviet architecture of 1917–1925. Documents and materials]. Comp., author of articles and notes. V. E. Khazanova. Moscow, AN SSSR Publ., 1963. 250 p., il. (In Russian)
5. Iz istorii sovetskoj arkhitektury. 1926–1932 gg.: Dokumenty i materialy [From the history of the Soviet architecture of 1926–1932: Documents and materials]. Moscow, AN SSSR Publ., 1970. 268 p., il. (In Russian)
6. Kirikov B. M., Shtiglits M. S. Arkhitektura Leningradskogo avangarda [The architecture of the Leningrad avant-garde movement]. Ed. by B. M. Kirikova. St. Petersburg, Kolo Publ., 2008. 384 p., il. (In Russian)
7. Khazanova V. Eh. Sovetskaia arkhitektura pervykh let Oktiabria [Soviet architecture of the first years of October Revolution]. Moscow, "Nauka" Publ., 1970. 214 p., il. (In Russian)
8. Khazanova V. Eh. Sovetskaia arkhitektura Pervoi piatiletki. Problemy goroda budushchego [Soviet architecture of the first five-year period. Problems of the city of the future]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 373 p., il. (In Russian)
9. Khan-Magomedov S. O. Arkhitektura sovetskogo avangarda. Kn. 1. Problemy formoobrazovaniia. Mastera i techeniia [Architecture of the Soviet avant-garde. Book 1: Formation problems. Masters and currents]. Moscow, Stroiizdat Publ., 1996. 709 p., il. (In Russian)
10. Vasenina L. F., Grigor'eva G. K. General'nyi plan goroda (iskhodnye dannye, proekt i realizatsiia) [Master plan of the city (basic data, the project and its realization)]. St. Petersburg, SPbGASU Publ., 2005. 28 p. (In Russian)
11. Zavarikhin S. P. Sovetskaia arkhitektura. 1917 — seredina 1950-kh gg. [Soviet architecture from 1917 — to the middle of the 1950-s]. Leningrad, LISI Publ., 1984. 96 p., il. (In Russian)
12. Kosenkova Yu. L. Sovetskii gorod 1940-kh — pervoi poloviny 1950-kh godov. Ot tvorcheskikh zamyslov k praktike stroitel'stva [The Soviet city of the 1940-s — the first half of the 1950-s. From creative plans to practice of construction]. Moscow, URSS Publ., 2000. 378 p., il. (In Russian)
13. Lavrov L. P., Likhacheva L. N. Sankt-Peterburg. Arkhitekturnyi putevoditel'. 1703–2003 [St. Petersburg. Architectural guide. 1703–2003]. St. Petersburg, Eklektika Publ., 2002. 208 p., il. (In Russian)
14. Avdeev V. G., Lobanova T. V. Leningradskii Dom Sovetov. Arkhitekturnye konkursy 1930-kh godov. Katalog [Leningrad House of Soviets. Architectural competitions of the 1930-s]. St. Petersburg, GMISPB. Publ., 2006. 108 p., il. (In Russian)
15. Lisovskiy V. G. Arkhitektura Peterburga. Tri veka istorii [Architecture of St. Petersburg. three centuries of history]. St. Petersburg, Slaviya Publ., 2004. 416 p., il. (In Russian)
16. Arkhitekter Andrei Andreevich Ol'. 1883–1958. Grafika i dokumenty v sobranii Gosudarstvennogo muzeia istorii Sankt-Peterburga [Architect Andrey Andreevich Ol. 1883–1958. Graphics and documents in the collection of the State Museum of history the St. Petersburg]. Comp. — L. A. Kirikova, G. V. Vasil'eva, K. V. Zhitorchuk. St. Petersburg, GMISPB Publ., 2008. 180 p., il. (In Russian)
17. Arkhitekter Noi Abramovich Trotskii. 1895–1940. Grafika i dokumenty v sobranii Gosudarstvennogo muzeia istorii Sankt-Peterburga [Architect Noy Abramovich Trotsky. 1895–1940. Graphics and documents in the collection of the State Museum of history the St. Petersburg]. Comp. — G. V. Avdeev, T. M. Semenova, T. V. Lobanova, L. P. Baklan, V. E. Lovyagina. St. Petersburg, GMISPB Publ., 2005. 108 p., il. (In Russian)
18. Baranov N. N., Isachenko V. G. Glavnyi arkhitekter Leningrada Nikolai Baranov. Tvorcheskii put' i sud'ba [Chief architect of Leningrad Nikolay Baranov. His career and destiny]. St. Petersburg, Stroyizdat SPB Publ., 2001. 127 p., il. (In Russian)
19. Busyreva E. P. Lev Il'in [Lev Ilyin]. St. Petersburg, GMISPB. Publ., 2008. 256 p., il. (In Russian)
20. Ol' G. A. Aleksandr Nikol'skii [Alexander Nikolsky]. Leningrad, Lenizdat, 1980. 136 p., il. ("Zodchie nashego goroda"). (In Russian)
21. Ol' G. A., Levinson E. Eh. Evgenii Levinson [Eugeny Levinson]. Leningrad, Lenizdat, 1976. 143 p., il. ("Mastera arkhitektury"). (In Russian)
22. Ol' G. A., Lansere N. N. E. Lansere [N. E. Lansere]. Leningrad, Lenizdat, 1986. 184 p., il. ("Mastera arkhitektury"). (In Russian)
23. Khomutetskii N. F. Leningrad. Ocherk arkhitektury [Leningrad. Architectural sketch]. State publishing house for constructing and architecture, 1953, 212 p., il. (In Russian)

24. Sementsov S. V. Posledovatel'noe formirovanie Sanktpiterburkhskoi aglomeratsii pri Petre Pervom [Consecutive formation of Saint-Petersburg agglomeration at Peter I time I]. "My Byli!". *General-fel'dt-seikhmeister Ia. V. Brius i ego epokha. Ch. 2. St. Petersburg, 2004*, pp. 52–73. (In Russian)
25. Sementsov S. V. *Etapy formirovaniia prostranstvennoi sredey Sankt-Peterburga. Ch. 1. Istoricheskoe razvitie kvartalov i ikh reglamentatsiia* [Stages of formation of the spatial environment of St. Petersburg. Part 1. Historical development of quarters and their regulation]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov*, 2006, 2 (7) June, pp. 15–20. (In Russian)
26. Sementsov S. V. *Etapy formirovaniia prostranstvennoi sredey Sankt-Peterburga. Ch. 2. Istoricheskoe razvitie uchastkov (sistemy razbivki i zaostroiki uchastkov) i ikh reglamentatsiia* [Stages of forming of the spatial environment of St. Petersburg. Part 2. Historical development of sites (system of allocation and building of sites) and their regulation]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov*, 2006, 3 (8) September, pp. 21–26. (In Russian)
27. Sementsov S. V. Sankt-Peterburg — odna iz mirovykh stolits [St. Petersburg — one of the world capitals]. *Tret'i Peterburgskie Kareevskie chteniia po novistike. 6–9 dekabria 1999 g.: «Stanovlenie mira kak «obshchego doma» chelovechestva: dinamika, etapy, perspektivy (XV–XXI vv.)». Kratkoe sodержanie dokladov*. Ed. by B. M. Komissarov. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2003, pp. 327–335. (In Russian)
28. Sementsov S. V. Formirovanie gradostroitel'nogo geneticheskogo koda Sankt-Peterburga v XVIII–XX stoletiiakh [Forming of a town-planning genetic code of St. Petersburg in the XVIII–XX centuries]. *Gradostroitel'noe iskusstvo. Novye materialy i issledovaniya. Vyp. 1. Pamyati T. F. Savarenskoy*. Ed. by I. A. Bondarenko. Moscow, URSS Publ., 2007, pp. 338–367. (In Russian)
29. "Mera kotlinu ostrovu konalom idvoram". 1712 g. [Proekt razmeshcheniia goroda s kanalami i dvorami (uchastkami) na o. Kotlin] (1712 g.) ["Measuring to the island of Kotlin with a channel and the yards". 1712 [The project of placement of the city with channels and the yards (sites) to Kotlin Island] (1712)]. Sankt-Peterburg. *NIOR Biblioteki RAN. Sobranie rukopisnykh kart. Osnovnaia opis'. № 754*. (In Russian)
30. PLAN' goroda S. PETERBURGA s pokazaniem' uregulirovaniia ulits', naznachennago po planu Vysochaishe utverzhdennomu 7-go Marta 1880 goda i proishedshikh' s' togo vremeni do 1-go Ianvaria 1908 goda, izmenenii v' uregulirovaniu i naimenovanii ulits', ploshchadei, naberezhnykh', mostov' i proch., posledovavshikh' po osobym' VYSOChAISHe utverzhdennym' planam' i Vysochaishim' poveleniiam' [The Plan of the city of ST. PETERSBURG with the order of street regulation, appointed according to the plan Highly approved on March 7th, 1880 and changes of names which took place since that time till January 1st, 1908, changes of names of streets, squares, embankments, bridges and so forth, according to the Highly stated plans and Highest orders]. Sankt-Peterburg. *RNB. Otdel kartografii. K 3-Pb 4/86*. (In Russian)
31. Bogoslovskiy V. A. Planirovka ploshchadi pered b. Aleksandrinskim teatrom [Layout of the square in front of Alexandrinsky Theatre]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*, 1959, no. 9, pp. 45–50. (In Russian)
32. Grimm G. G. *Ansambli Rossi. Ploshchad' Iskusstv i ploshchad' Ostrovskogo [Rossi's ensembles. Arts Square and Ostrovsky Square]*. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1946. 64 p., il. (Arkhitekturnye ansambli Leningrada). (In Russian)
33. Rossi Karl Ivanovich (1775–1849). *Katalog arkhitekturnykh chertezhei i proektov predmetov prikladnogo iskusstva. K 200-letiiu so dnia rozhdeniia [Rossi Karl Ivanovich (1775–1849). Directory of architectural drawings and projects of objects of applied art. To the 200-th anniversary since birth]*. Ed. by N. I. Nikulina. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1975. 180 p. (In Russian)
34. Taranovskaya M. Z. *Ansambli' Teatra im. A. S. Pushkina: Ploshchad' Ostrovskogo, ulitsa Zodchego Rossi, ploshchad' Lomonosova [Ensemble of the A. S. Pushkin Theatre: Ostrovsky Square, Architect Rossi Street, Lomonosov Square]*. Leningrad, Gos. izd. literatury po stroitel'stvu i arkhitekture, 1954. 26 p., il. (Seriiia "Arkhitekturnye ansambli Leningrada").
35. Taranovskaya M. Z. *Arkhitektor Rossi: Arkhitektor Rossi: Zdanie Akademicheskogo teatra dramy ime ni A. S. Pushkina (b. Aleksandrinskii) v Leningrade. K 250-letiiu Leningrada [Taranovskaya M. Z. Architect Rossi: The building of the Academic A. S. Pushkin drama theater (formerly, Alexandrinsky Theatre) in Leningrad. To the 250 anniversary of Leningrad]*. Leningrad, Gosstroizdat, 1956. 131 p., il. (Seriiia "Pamiatniki russkoi arkhitekтуры. Obmery i issledovaniia"). (In Russian)
36. Taranovskaya M. Z. *Karl Rossi. Arkhitektor. Gradostroitel' Khudozhnik [Carl Rossi. Architect. Town-planner. Artist]*. Leningrad, Stroiizdat, 1980. 223 p., il. (In Russian)
37. V. E. Tatlin. *Zasluzhenniy deiatel' iskusstv RSFSR. 1885–1953. Katalog vystavki proizvedenii [Honored worker of art RSFSR. 1885–1953. Exhibition catalogue]*. Comp. L. Shadova, Z. Melit. Moscow, Soviet artist Publ., 1977. 67 p. (Iz sobraniia V. S. Speranskoi s karandashnymi pometami T. M. Shapiro [V. S. Speranskaya's copy with pencil marks by T. M. Shapiro]). (In Russian)
38. Punin N. N. *Pamiatnik III Internatsionala. Proekt khudozhnika V. E. Tatlina [Monument of the III International. Project of the artist V. E. Tatlin]*. Petrograd, Izd. otd. izobr. iskusstv N.K.P., 1920. 7 p., il. (In Russian)

39. Annenkov Yuriy. *Dnevnik moikh vstrech. Tsikl tragediy. V 2 t.* [Diary of my meetings. Cycle of tragedies. In 2 vols]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1991, vol. 2. 303 p., il. (In Russian)
40. Zinov'ev G. E. *Kommunisticheskie Internatsional za rabotoi. Prakticheskie problemy v Kominterne i rabota ego sektsii. Rechi, proiznesennye na IV Vsemirnom kongresse Kominternna* [Communist International at operation]. Moscow, Petrograd, Gos. izd. tip. «Pechatnyi dvor», 1922. 168 p. (In Russian)
41. Smirnov A. P. *Peterburgskii mif Grigoriia Zinov'eva* [The St. Petersburg myth of Grigory Zinovyev]. *Istoriia Peterburga*, 2006, no. 4, pp. 9–12. (In Russian)
42. *Protokol 23-go zasedaniia Soveta po uregulirovaniu plana Petrograda i ego okrain po voprosu peregazheniia fabrik i zavodov iz Petrograda v Novgorod* [The protocol of the 23rd meeting of Council for settlement of the plan of Petrograd and its suburbs concerning transferring of factories and plants from Petrograd to Novgorod]. *TsGALI. F. 72. Op. 1. D. 70. L. 9–9 ob.* (In Russian)
43. *Velikii vozhd': Khudozhestvenno-literaturnyi sbornik* [The great leader] artistic and literary collection]. Ed. by N. A. Semashko. Moscow, Izd-vo Komissii pomoshchi detiam pri Prezidiume Mossoveta, 1924. 288 p., il. (In Russian)
44. *Mastera sovet'skoi arkhitektury ob arkhitekture* [Masters of Soviet architecture about architecture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975, vol. 1. 541 p., il. (In Russian)
45. *Rukovoditeli Sankt-Peterburga* [Heads of Saint-Petersburg]. St. Petersburg, Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2003. 576 p. (In Russian)
46. Busyreva E. P., Chekanova O. A. Lev Il'in [Lev Il'in. *Zodchie Sankt-Peterburga. XX vek* [The architects of St. Petersburg. The XX century]. St. Petersburg, Lenizdat, 2000. 209 p. (In Russian)
47. Antonov V. V., Kobak A. V. *Sviatyni Sankt-Peterburga* [Shrines of St. Petersburg]. Vol. 1. St. Petersburg, Isd. Chernysheva, 1996. 288 p., il. (In Russian)
48. Kalyazina N. V., Kalyazin E. A. *Aleksandr Menshikov — stroitel' Rossii* [Alexander Menshikov, the builder of Russia]. Part 2. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2006. 488 p. (In Russian)
49. Malinovskiy K. V. *Sankt-Peterburg XVIII veka* [St. Petersburg of the XVIII century]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2008. 576 p., il. (In Russian)
50. Sementsov S. V., Ostanina A. A. *Dereviannoe zodchestvo Peterburga pervogo stroitel'nogo etapa (1703–1730-e gody): vozmozhno li vossozdanie Troitse-Petrovskogo sobora?* [Wooden architecture of St. Petersburg of the first construction stage (1703–1730-s): Is the reconstruction of the Troitse-Petrovsky Cathedral possible?]. *Narodnoe zodchestvo: Mezhvuzovskii sbornik*. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2007, pp. 47–57. (In Russian)
51. *Izvestiia po S.-Peterburgskoi eparkhii (Izvestiia po Petrogradskoi eparkhii)* [News according to S. — the St. Petersburg diocese (News on the Petrograd diocese)]. St. Petersburg, (Petrograd), 1902–1916. (In Russian)
52. Cherepenina N. Yu., Shkarovskiy M. V. *Spravochnik po istorii pravoslavnykh khramov i monastyrej g. Sankt-Peterburga. 1917–1945 gg.* [The reference manual on history of Orthodox churches and monasteries of St. Petersburg. 1917–1945]. St. Petersburg, NITs “Memorial” Publ., 1996. 157 p. (In Russian)

For citation: Sementsov S. V. Development of revolutionary avant-garde movement in the architecture of Petrograd — Leningrad according to the rigid town-planning canons of imperial St. Petersburg. Part 1. From Peter the Great to V. I. Lenin. *Vestnik SPbSU. Arts*, 2017, vol. 7, issue 2, pp. 249–272. DOI: 10.21638/11701/spbu15.2017.207

Статья поступила в редакцию 10 января 2017 г.;
принята в печать 20 марта 2017 г.

Контактная информация

Семенов Сергей Владимирович — доктор архитектуры; s.sementsov@mail.ru
Sementsov Sergej V. — Doctor of Architecture; p.sementsov@mail.ru